

ПОДХОДЫ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ТЕКСТУ В СВЕТЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИДЕЙ Н. Л. ЛЕЙДЕРМАНА

УДК 882.161.1-311(091)
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-444

С. И. Ермоленко
Екатеринбург, Россия

РОМАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 80-х гг. XIX ВЕКА: К ПРОБЛЕМЕ «КРИЗИСА» ЖАНРА

Аннотация. Статья посвящена судьбе романа в русской литературе 80-х годов XIX века. Рассматриваются различные точки зрения на проблему «кризиса» («исчезновения») романа в литературе данного времени, причины утраты жанром того приоритетного положения, которое он занимал в литературе предшествующего десятилетия. Опираясь на понимание «эпической сущности» романа, предложенное Н. Л. Лейдерманом, которая состоит в его способности конструировать «образ всеобщей связи явлений», автор статьи приходит к выводу о том, что жанр «отступал» в кризисные периоды развития общества, в ситуации «разлома эпох». А затем, «перестроившись» в соответствии с новыми эстетическими запросами времени, снова утверждал свое лидирующее положение в системе жанров русской литературы.

Ключевые слова: русская литература 80-х годов XIX века, роман, «кризис» жанра, «эпическая сущность» романа, «образ всеобщей связи явлений».

S. I. Yermolenko
Yekaterinburg, Russia

THE NOVEL IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 80-ies OF THE XIX CENTURE: PROBLEM «CRISIS» OF GENRE

Abstract. The article is devoted to the fate of the novel in Russian literature of the 80-ies of the XIX century. Considered various points of view on the problem of «crisis» («disappearance») of the novel in the literature of this time, the reasons for the loss of the genre to the priority position which he occupied in the literature of the previous decade. Based on the understanding of the «epic nature» of the novel, proposed N. L. Leiderman, who is in his ability to construct «the image of the universal connection of phenomena», the author of the article comes to the conclusion that the genre of «retreated» in times of crisis development of society, in a situation of «fault eras». And then, «changing» in accordance with the new aesthetic demands of the times, again asserted its leading position in the system of genres of Russian literature.

Keywords: Russian literature of the 80-ies of the XIX century, the novel, «the crisis» of genre, «epic nature» of the novel, «the image of the universal connection of phenomena».

«В специфической романной эпической сущности — секрет вечного обновления жанра, движущегося вместе с жизнью. В этой же эпической сущности — объяснение неравномерности развития романа в историко-литературном процессе».

Н. Л. Лейдерман. Теория жанра.

Вопрос о судьбе романа в русской литературе 1880-х годов как актуальная научная проблема, требующая своего разрешения, был поставлен еще в 70-е годы прошлого века И. А. Дергачевым [Дергачев 1976: 3–17; см. также: Дергачев 2005: 91–103], обратившим внимание на противоречивость представлений исследователей о месте романа в системе прозаических жанров и его значимости в историко-литературном процессе указанного времени.

Так, с одной стороны утверждалось, что в русской литературе 80-х годов на первый план выступают «малые прозаические формы (рассказ, очерк, небольшая повесть)», оттесняя на второй — роман (традиционная точка зрения, сформулированная в академической «Истории русского романа») [Баскаков 1964: 479]. С другой стороны, говорилось, что роман и в эти годы «остаётся главным жанром литературы» [История... 1966]. К. Д. Муратова, в свою очередь, указывала на «парадоксальное противоречие» между продуктивностью романа как жанра и его нерепрезентативностью в русской литературе

последних десятилетий: «80–90-е годы дали огромное число романов, но романов посредственных писателей, преимущественно натуралистов. Произведений, совершивших переворот в сознании читателей, подобно романам “Отцы и дети” и “Что делать?”, эти годы не знали» [Муратова 1966: 12]. А. Г. Цейтлин решительно настаивал на том, что в 80-е годы жанр романа «угасает», «исчезает» [Цейтлин 1964: 554]. «Но он не исчез, — вступает в полемику уже в наше время Г. К. Щенников, — а утратил приоритетное положение в литературе этого времени» [Щенников 2005: 22].

В 70-е пореформенные годы, когда, по известному выражению Л. Н. Толстого, «все... переворотилось и только укладывается», когда особую актуальность приобретали поиски национальных путей развития, роман являлся господствующей «формой времени» (В. Г. Белинский), которая находилась в центре внимания писателей, критиков и читателей. Именно в это время было создано множество «знаковых» для отечественной культуры произведений большой эпической формы, представленной различными жанровыми модификациями, благодаря которым русская литература в конце столетия приобрела мировое значение. В 1869 году, с которого ведется отсчет 70-м годам в истории русской литературы, отливается в окончательную художественную форму грандиозный замысел Л. Н. Толстого («захватить

всё») — завершается работа над романом-эпопеей «Война и мир». В 70-е годы создается философско-психологический роман «Анна Каренина» (1873–1877). И. А. Гончаров заканчивает свой последний социально-психологический роман «Обрыв» (1869). М. Е. Салтыков-Щедрин пишет социально-политический роман «История одного города» (1869–1870), социально-психологический – «Господа Головлевы» (1875–1880) и начинает работу над сатирическим романом-обозрением, специфической «щедринской» жанровой формой, «Современная идиллия» (1877–1883), который будет закончен уже в начале следующего периода в истории русской литературы. Ф. М. Достоевский создает три философско-идеологических романа, вошедших в его великое «пятикнижие»: «Бесы» (1872), «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1878–1880).

В большом количестве издавались и романы писателей «второго ряда». В условиях «высокого этапа» народничества возникает так называемый народнический — социальный роман, пользовавшийся популярностью у демократически настроенной читательской аудитории, главными темами которого становятся жизнь русской пореформенной деревни, судьбы народнической интеллигенции («Хроника села Смурина. Из жизни русского крестьянина» (1873–1874) П. В. Засодимского, «Устои. История одной деревни» (1878–1883) Н. Н. Златовратского и др.).

Популярностью у демократически настроенной читательской аудитории пользовались и произведения об умственных и нравственных исканиях различной интеллигенции — «новых людях», «занятых общественной или научной деятельностью во благо народа», продолжающие традиции Н. Г. Чернышевского — автора романа «Что делать?» («Шаг за шагом» (1870) И. В. Омулевского; «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (1870) И. А. Куцевского; «Большая медведица» (1870–1871) В. Крестовского (Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской); «Без исхода» (1873) К. М. Станюковича; «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов» (1877) Н. Флеровского (В. В. Берви) и др.).

В противовес произведениям о «новых людях» продолжали выходить антинигилистические романы с ярко выраженной тенденциозной направленностью, что являлось выражением поляризации общественно-политических сил в стране и углубляющегося раскола национального самосознания («На ножах» (1870–1871) Н. С. Лескова; «Марина из Алого Рога» (1873) Б. М. Маркевича; «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874) — романы, составившие дилогию «Кровавый пух. Хроника о новом Смутном времени Государства Российского» В. В. Крестовского и др.)¹.

Наряду с подчеркнутым интересом к социальной проблематике, творчество писателей-романистов 70-х годов (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. С. Лескова и др.) характеризовалось еще более при-

стальным, чем в предыдущее десятилетие, вниманием к внутреннему миру человека. Это объясняется тем, что в первые пореформенные десятилетия в условиях начавшегося бурного развития капитализма, когда «все... перевернулось и только укладывается» (Л. Н. Толстой), четко обозначился общий «подъем чувства личности». Писатели активно искали новые принципы и способы изображения человека в его связях с «переверотившимся» русским миром. На первый план выходило художественное исследование психологического склада личности, изображение ее нравственных качеств и духовных поисков — «избрания пути» (Л. Н. Толстой).

Роман оказывался в этом плане не только самым продуктивным, но и самым репрезентативным жанром 70-х годов: его жанровая концепция позволяла с максимальной полнотой воплотить новое представление о мире и человеке, которое формировалось в общественном сознании эпохи.

Рубежность — завершенность одного периода в истории русской литературы (и русского общества) и начало другого (после 1 марта 1881 года — убийства Александра II) — ясно осознавалась современниками. Так, Л. Н. Толстой называл 1881 год «самым горячим временем *внутренней перестройки*» всего своего «миросозерцания» [Толстой 1951: XXX, 3. Курсив наш. — С. Е.]. Сказанное писателем о себе с полным правом может быть отнесено ко всей мыслящей части русского общества той поры. Впрочем, обострение духовного кризиса, спровоцированное все более и более углубляющимися социально-политическими, классовыми противоречиями пореформенной поры, неизбежно приводящими к «перестройке» общественного сознания, писатель проницательно предчувствовал уже в конце 70-х годов. Так, в августе 1877 года Толстой делится с Н. Н. Страховым своими тревожными предчувствиями: «Мне кажется, что мы находимся *на краю большого переворота*» [Толстой 1953: LXII, 335. Курсив наш. — С. Е.]. Изменения в духовной жизни русского общества ощущал тогда же и другой великий современник — Ф. М. Достоевский. В «Дневнике писателя» за 1876 год читаем следующие строки: «Да и слышишь-то все больше странности. Как передавать их, когда все это само собой лезет врозь и ни за что не хочет сложиться в один пучок! Право, мне все кажется, что у нас наступила какая-то *эпоха всеобщего “обособления”*». <...>... Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе... <...> ... ни в чем почти нет нравственного соглашения; все разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уже на единицы» [Достоевский 1981: XXII, 80].

Тенденции, обозначившиеся уже во второй половине 70-х годов, нарастая, со всей очевидностью заявляли о себе в следующем десятилетии. Однако внешне, как будто бы, ничего не изменилось в жанровой картине русской прозы 1880-х годов: роман продолжал количественно превосходить все иные жанры. Если мы обратимся к периодическим изданиям тех лет самых разных идейно-эстетических ориентаций, то обнаружим, что произведения больших эпических форм занимали в них видное место (нехватка качественной отечественной прозы нередко

¹ Попытка пересмотра традиционного взгляда на антинигилистический роман как «компрометирующий» революционно-демократическое движение в стране предпринята Г. А. Склеинис [Склеинис 2009].

компенсировалась переводами романов западноевропейских авторов).

Но, несмотря на большое количество романов, опубликованных в эти годы, говорить о многообразии модификаций жанра не приходится. Если в 70-е годы роман был представлен самыми разными жанровыми модификациями (в центре которых оказывались проблемы этико-философского, идеологического, общественно-политического, социального, психологического характера), то в 80-е годы наиболее востребованной оказывается именно социальная разновидность романного жанра (например, народнический, а также «натуралистический» — П. Д. Боборыкин, А. В. Амфитеатров — романы, для которых характерно доминирование социального аспекта изображения над психологическим).

Критики 80-х годов, независимо от своих идейно-эстетических взглядов, выражали озабоченность по поводу нарастания кризисных, как им представлялось, тенденций в литературе, что проявлялось в отсутствии новых художественных открытий, варьировании старых тем, идей, эксплуатации «старых» форм и приемов, понижении общественного пафоса. Так, А. М. Скабичевский, оценивая в 1880-е годы состояние отечественной словесности как «шатание», эпигонское «топтанье» на месте, приходит к суровому выводу: «Это положительно какое-то одичание» [Скабичевский 1885]. Уход из жизни одних корифеев литературы, создавших классические образцы русского романа (Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева) и смена жанровых приоритетов в творчестве других (И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого), предпочитавших в эти годы роману иные жанровые формы, делали эти негативные, как казалось современникам, явления особенно заметными.

Романисты, без чьих имен сегодня невозможно представить историю русского классического романа XIX века, ощущают в это время «исчерпанность» романа прежнего типа, невозможность создания произведений больших эпических форм по старым «лекалам». Об исчерпанности типа романа, вырастающего на «почве семейственности» с интимно-психологической проблематикой и любовной коллизией, говорил еще на рубеже 60–70-х годов М. Е. Салтыков-Щедрин: «Мне кажется, что роман утратил свою прежнюю почву... Роман (по крайней мере, в том виде, каким он являлся до сих пор) есть по преимуществу произведение семейственности. <...> Роман современного человека разрешается на улице, в публичном месте — везде, только не дома; и притом разрешается самым разнообразным, почти непредвиденным образом» [Салтыков-Щедрин 1988: 96–97]. Осознавая исчерпанность романа «старого» типа, Л. Н. Толстой в 60-е годы, как известно, откажется называть «Войну и мир» романом, предпочитая «внежанровое» обозначение «книга» («Несколько слов по поводу книги “Война и мир”», 1868). Позднее, в дневнике 1893 года Толстой даже напишет: «форма романа не только не вечна, но она проходит» [Толстой 1952: LXII, 93].

При этом роман не перестает осознаваться как важнейший жанр литературы, по которому судят о степени ее эстетической зрелости и значимости. Од-

нако в 80-е годы он перестает быть *господствующим* жанром, уступая свое место малым жанрам, прежде всего — рассказу. Н. Л. Лейдерман, на наш взгляд, дает точное объяснение такого рода смены жанровых приоритетов: «В ... пору, когда отвергаются и разрушаются социальные, идеологические и художественные стереотипы... рассказ оказывается едва ли не единственным из прозаических жанров, который обладает способностью на основании самых первых, только-только “прорезавшихся”, доселе неведомых коллизий заявить новую концепцию личности. И не просто заявить, а “оконтурить”, сделать наглядно-зримой и тем самым подвергнуть ее проверке “целым миром”, воплощенным в нем эстетическим законом жизни». Роман — большая жанровая форма — не столь мобилен, как средние, тем более малые жанры, например, рассказ, который, подчеркивал исследователь, как раз и «набирает силу в *ситуации духовного кризиса, на разломах историко-литературных циклов* (периодов, этапов, эпох)» [Лейдерман 2010: 213–214. Курсив наш. — С. Е.], становясь подлинной «формой времени» в литературе 1880-х годов.

И в этой связи понятным оказывается появление суждений об «окостенении» романа в 80-е годы, противоречащих, на первый взгляд, положению М. М. Бахтина о том, что роман как «эпос нашего времени», возникающий в зоне «контакта с неготовой, становящейся современностью (незавершенным настоящим)», — неканонический жанр, который в принципе не может «стабилизироваться» («Жанровый костяк романа еще далеко не отвердел, и мы еще не можем представить всех его пластических возможностей»), отлиться раз и навсегда в завершенную жанровую форму («роман не дает стабилизироваться ни одной из своих разновидностей...») [Бахтин 2000: 194, 197].

Заслуживает внимания мнение И. А. Дергачева о том, что данное положение Бахтина, «верное для больших отрезков исторического времени и для вершинных явлений культуры», может быть «неактуальным для ряда конкретных периодов» развития литературы [Дергачев 2005: 96]. Позволим себе так уточнить мысль исследователя: положение Бахтина «верно» относительно романа как жанра вообще, «неактуальными» же для «конкретных периодов» могут оказаться те или иные типы романа, те или иные его жанровые модификации.

Приведенную выше фразу о «невечности» «формы романа» из дневника Толстого, работающего как раз в это время над «Воскресением» («... захотелось написать именно роман [“широкого дыхания” — С. Е.], вроде “Анны Карениной”...») — Г. А. Русанову, 1889), следует, очевидно, в данном контексте истолковать не как признание возможности «исчезновения» романного жанра вообще, а как понимание писателем исторической изменчивости, подвижности, «переходности» его определенных жанровых форм для определенных периодов развития литературы.

Полагаем, что именно таким периодом в русской литературе и оказываются 1880-е годы. Пытаясь понять причины вытеснения романа в 80-е годы с авансены русской литературы малыми и средними прозаическими жанрами, некоторые исследователи при-

ходят к выводу: неактуален не жанр как таковой, а именно *тип романа*, который «с максимальной репрезентативностью сложился в творчестве И. С. Тургенева» и на который, в массе своей, ориентировались писатели-беллетристы 80-х годов.

Это такой тип романа, — уточняет И. А. Дергачев, — «в котором центральное место в жизненной ориентации личности отводится интеллекту и признается решающая роль разума в надлежащем устройстве жизни общества и человека» («Отцы и дети» — ярчайший образец такого типа романа). Приводя различные существующие в литературоведении определения жанровой специфики типа романа, как он сложился в творчестве Тургенева, исследователь отмечает, что все они сходятся в одном: «тургеневский» роман «сосредоточен на личности», которая испытывает «давление времени», но «не впрямую условиями воспитания, средой, а широким идейным движением эпохи» [см.: Дергачев 2005: 96–100. Курсив наш. — С. Е.]².

Почему же роман, «сосредоточенный на личности», ее самосознании, интеллекте, перестает отвечать эстетическим запросам эпохи 1880-х годов? Ответы, по всей видимости, надо искать в самой атмосфере времени, формирующей новые эстетические требования, которые и определяли необходимость поисков новых форм художественного освоения действительности, способных воплотить новое содержание.

80-е годы XIX века, наступившие после убийства народовольцами императора Александра II, — трагический период в истории русского общества, когда все противоречия русской жизни обозначились с особенной остротой. Л. Н. Толстой сравнивал состояние России того времени с «положением больного во время кризиса», когда «один ложный шаг, прием средства ненужного или вредного, может навсегда погубить больного» («черновое» письмо Александру III. 1881, 8–15 марта).

Осознавая острую необходимость «врачевания» общественного недуга, современники в то же самое время испытывали растерянность в выборе «средств». В. Я. Кирпотин, размышляя о динамике русской прозы в 1870–1880-е годы, пишет: «Для создания романа большого стиля необходимо было, чтобы автор имел свое достаточно удовлетворительное объяснение рвущих душу противоречий, или же нужно было, чтобы в самой жизни наметились достаточно ясно те тенденции развития, которые, в конечном счете, могли бы вывести из переживших себя, ставших невыносимыми условий существования» [Кирпотин 1963: 244]. Однако ни «удовлетворительного объяснения» «рвущих душу» противоречий времени, ни, тем более, сколько-нибудь ясного понимания «тенденций развития», которые должны были «наметиться» в «самой жизни», в исторический период 80-х годов еще не было. Вера в первостепенную роль разума в

«надлежащем» переустройстве мира, которую утверждал роман «тургеневского» типа с центральным для него образом интеллектуальной личности, была, таким образом, подорвана в условиях общероссийского хаоса пореформенной действительности.

Наступившая эпоха «реакции», «застоя», «безвременья» (как принято определять 80-е годы), ощущение современниками разрыва всех связей — общественных, политических и чисто человеческих, утраты прежних нравственных ориентиров — не способствовали изображению человека в его сложных связях с миром, воспроизведению действительности в широких эпических масштабах романа.

Эпоха «всеобщего обособления» (Ф. М. Достоевский), «существования в одиночку» (М. Е. Салтыков-Щедрин) выдвигала новую концепцию личности, не связанной с общественной жизнью, с судьбой народа и родины. Ф. М. Достоевский предупреждал: «... явятся новые лица, еще неизвестные, и новый мираж; но какие же лица? Если некрасивые, то невозможен дальнейший русский роман» [Достоевский 1975: XIII, 454]. Уместно в этой связи также вспомнить слова А. П. Чехова, который, размышляя над романом «Обломов», сказал: «... Илья Ильич... не так уж крупен, чтобы из-за него писать целую книгу. <...> Возводить сию персону в общественный тип — это дань не по чину» [цит. по: Летопись... 1889]. Очевидно, Чехов, характеризуя гончаровского героя как «лицо» именно «некрасивое», то есть не связанное с общей жизнью, подходил к оценке романа «Обломов» уже с позиций тех эстетических требований к жанру, которые формировались в 80-е годы. Отсутствие «красивого лица» делало невозможным дальнейшее развитие романа, как он сложился на русской почве в предшествующие десятилетия, ибо герой романа в отечественной классической традиции — это всегда личность, приобщенная к высшим и общим («роевым») началам бытия.

Для изображения «обособленного» бытия 80-х годов, художественного воплощения новой формирующейся концепции личности более подходили не крупные жанровые формы, предназначенные для изображения человека в его многообразных связях с миром, но малые: рассказ, повесть, очерк и др. Не случайно новое поколение писателей, входящих в литературу в 80-е годы, — А. П. Чехов, В. М. Гаршин, В. Г. Короленко — обращаются именно к малым жанрам.

В рассматриваемый период — вплоть до «Воскресения» Л. Н. Толстого (1889–1899) — не было создано ни одного произведения большой эпической формы, по своему художественному уровню приближающегося к романам предшествующих десятилетий. А. П. Чехов, неоднократно предпринимавший попытки написания романа, так и не создал его, обрета большую жанровую форму не в эпическом, но в драматическом роде.

Вероятно, лишь Д. Н. Мамин-Сибиряк, как это видится сейчас, поддерживает в 80-е годы славу русского романа. И все же первые романы Мамина-Сибиряка («Приваловские миллионы», 1883; «Горное гнездо» и «Дикое счастье», 1884; «Бурный поток»,

²Мы не ставим здесь перед собой задачу раскрытия специфики «тургеневского романа» (из последних работ, посвященных этой проблеме, см., напр.: [Семухина 2013: 61–71]), понимая под этим обозначением не только и даже не столько произведения Тургенева, сколько тот *тип романа*, который сложился ко второй половине XIX века в русской литературе, получив свое наиболее полное воплощение в творчестве Тургенева.

1886) не смогли «переломить» ситуацию, сложившуюся в русской литературе 80-х годов.

По точному замечанию Н. Л. Лейдермана, «романная структура всегда ориентирована на синтез», на поиск «*всеобщей связи явлений*». Эту философскую формулу, обозначающую наиболее общую закономерность существования мира, ученый часто использовал в своих трудах, говоря о жанре романа. «В буквальном смысле всеобщую связь явлений, — заметил со свойственной ему ироничностью Лейдерман, — даже вся Российская академия наук неспособна постигнуть...». Но в данном случае речь идет об «о б р а з е всеобщей связи явлений», то есть о «той “виртуальной реальности”, которую конструирует автор романа и которая «создает в сознании читателя эстетическое впечатление полноты и целостности всего человеческого универсума» [Лейдерман 2010: 267. Разрядка автора. — С. Е.]. Именно в этой способности конструировать «образ всеобщей связи явлений» видел ученый «эпическую сущность» романа, обуславливающую его место и значение как «жанра жанров» в историко-литературном процессе.

Сама по себе мысль о «кризисе» или даже «исчезновении» романного жанра не нова в литературоведении. В истории литературы (не только в 80-е годы XIX века) не раз возникали такие периоды, когда казалось, что этот жанр исчерпал свои возможности. Достаточно вспомнить «“отходные” роману в критике первых послеоктябрьских лет, неудачи романа в годы Отечественной войны и сразу же после войны, новые “похороны” романа в начале “оттепели”» [Лейдерман 2010: 271]. И всякий раз становилось очевидным, что роман «устаревал», «отступал» тогда, когда в общественном сознании пропадало ощущение «всеобщей связи явлений», — в кризисные периоды развития общества, в ситуации «разлома эпох».

Следовательно, нужно время, чтобы роман, «перестроившись» в соответствии с новыми эстетическими запросами, смог воплотить в многообразных жанровых модификациях новую формирующуюся концепцию мира и человека, найти «в сумбурной, многоцветной “прозе жизни” единство и смысл» [Лейдерман 2010: 267–268], а значит — снова утвердить свое лидирующее положение в системе жанров русской литературы.

Вся история русской и мировой литературы XIX–XX веков доказывает справедливость данного понимания сущности романа, его места и значения в системе жанров.

ЛИТЕРАТУРА

Баскаков В. Н. Романисты 1880–1890-х годов // История русского романа: в 2 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. — Т. 2. — С. 476–489.

Бахтин М. М. Эпос и роман. — СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. — 304 с.

Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы семидесятых — девяностых годов XIX века // Русская литература 1870–1890 годов. Проблемы типологии реализма. — Свердловск, 1976. — Вып. 9. — С. 3–17.

Дергачев И. А. «Кризис» романного жанра. Поиски Мамина-Сибиряка // Д. Н. Мамин-Сибиряк в русском литературном процессе 1870–1890-х годов. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — С. 91–103.

Достоевский Ф. М. Подросток // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1975. — Т. 13.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год (январь–апрель) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1981. — Т. 22.

История русской литературы второй половины XIX века / под ред. Н. И. Кравцова. — М.: Просвещение, 1966. — 694 с.

Кирпотин В. Я. Пафос будущего. Статьи. — М.: Сов. писатель, 1963. — 380 с.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра. Исследования и разработки / Институт филол. исследований и образоват. стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010. — 904 с.

Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. Т. 2: 1889 — апрель 1891. — Режим доступа: <http://chehov.niv.ru/chehov/bio/letopis/letopis-1889-5.htm> (дата обращения: 11.03.2014).

Муратова К. Д. Возникновение социалистического реализма в русской литературе. — М.; Л.: Наука, 1966. — 280 с.

Скабичевский А. М. Наши новые беллетристические силы // Новости. — 1885. — № 84. — 28 марта.

Салтыков-Щедрин М. Е. Господа ташкентцы // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Изд-во «Правда», 1988. — Т. 3.

Семухина И. А. Еще раз о «классическом» тургеневском романе: к проблеме поэтики и типологии жанра // Уральский филологический вестник: электронный журнал / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». Сер. «Русская классика: динамика художественных систем». — Екатеринбург, 2013. — Вып. 1. — С. 61–71.

Скле́йнис Г. А. Русский антигнилистический роман: генезис и жанровая специфика: автореф. ... дис. докт. филол. наук / Сев.-Вост. гос. ун-т. — Магадан, 2009. — 39 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М.: ГИХЛ, 1928–1958. — 1951. — Т. 30; 1952. — Т. 52; 1953. — Т. 62.

Цейтлин А. Г. Пути критического реализма в 80-е годы // История русской литературы: в 3 т. / под ред. Д. Д. Благого. — М.: Наука, 1964. — Т. 3.

Щенников Г. К., Щенникова Л. П. История русской литературы XIX века (70-90-е годы). — М.: Высшая школа, 2005. — 384 с.

Данные об авторе

Ермоленко Светлана Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры и методики ее преподавания, Уральский государственный педагогический университет.

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26.

E-mail: ermolenko-1@mail.ru

About the author

Yermolenko Svetlana Ivanovna is a Doctor of Philology, Professor of the Literature and Methods of Teaching Department, Ural State Pedagogical University.